

Ахметова Г.Б.*

Докторант
Академия государственного управления
при Президенте Республики Казахстан
г. Астана, Казахстан
email: gulnaz.akhmetova@apa.kz

Бокаев Б.Н.

PhD
Сиракузский Университет
Школа гражданства
и связей с общественностью Максвелла, США
соискатель степени PhD
email: bbokayev@syr.edu
<https://orcid.org/0000-0002-1037-7085>

Торбекова З.Т.

PhD, ученый секретарь
Центр исследований, анализа и оценки эффективности
Высшей аудиторской палаты Республики Казахстан
г. Астана, Казахстан
email: z.torebekova@stateaudit.kz
<https://orcid.org/0009-0008-9583-4177>

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: АНАЛИЗ МИРОВЫХ ПРАКТИК

***Аннотация.** В современном мире внутренняя миграция становится все более значимым фактором, влияющим на социальную и экономическую динамику регионов и государств. В данной статье рассматриваются актуальные тенденции внутренней миграции, выявляя её причины и последствия на региональном и международном уровнях. На основе сравнительного анализа обсуждаются различные инструменты управления внутренней миграцией, такие как финансовые стимулы, налоговые льготы, социальные программы и различные меры поддержки. Выяснено, что экономические трудности, конфликты и изменения климата играют ключевую роль в формировании новых потоков внутренней миграции, что требует внимания со стороны национальных правительств. Результаты исследования также подчеркивают важность регионального взаимодействия для разработки подходов к управлению миграционными потоками и снижению напряженности в регионах.*

***Ключевые слова:** миграция, регулирование, лучшие практики, экономические инструменты, социальные стимулы.*

■ Введение

В современном мире проблема внутренней миграции занимает центральное место в общественном дискурсе и требует надлежащего внимания со стороны государств и международных организаций. Актуальность этой темы подчеркивается международным Докладом о миграции, отражающим тенденции, вызовы и возможности, связанные с внутренним перемещением населения [1; 2]. Масштабы внутренней миграции в последние годы в 3-4 раза превышают международную миграцию, достигшую 281 миллион человек или 3,6 процента мирового населения [3]. По последним подсчетам, изменение климата и различные конфликты в будущем могут довести число внутренних мигрантов до 1 млрд. человек [3]. При этом потоки внутренней миграции неоднородны: миграция происходит одновременно из сельской местности в городские, между сельскими регионами, а также из городских местностей в сельские. Значительные внутренние потоки из сельских регионов в городские отмечаются в крупных развивающихся странах, переживающих урбанизацию, особенно в Южной Азии и странах Африки к югу от Сахары, где сельское население по-прежнему велико. Миграция из городов в сельские местности также имеют значительные темпы, особенно в странах, находящихся на более ранних этапах экономического развития, таких как страны Африки к югу от Сахары [4].

Между тем, миграция из городских местностей в сельские является новым явлением в развитых странах, где она может происходить как часть более широкого движения по переселению из густонаселенных регионов, а также как результат возобновления сельского образа жизни за счет пандемии COVID-19. Однако измерение внутренней миграции усложняется продолжительностью периодов миграции, которые могут быть временными (включая, помимо прочего, сезонную миграцию) или постоянными [4]. В этом отношении внутренняя миграция, скорее всего, будет постоянной, если отражает тенденцию к урбанизации в стране, и сезонной в условиях, когда внутренние мигранты продолжают вести деятельность в сельской местности в течение сельскохозяйственного сезона. Эксперты отмечают, что временная миграция часто принимает форму обратной миграции, так как значительная часть внутренней миграции из сельской местности в города приводит к обратной миграции в сельскую местность [5].

Оценку внутренней миграции можно получить из разнородных источников: их можно рассчитать на основе переписей населения в тех случаях, когда домохозяйствам задают вопрос об их предыдущем месте жительства (обычно на уровне муниципалитета или региона) на определенную дату (часто за один или пять лет до этого) [6]. Альтернативно, обследования домохозяйств могут задавать те же вопросы или собирать более точную информацию об истории миграции в прошлом. Административные данные также могут использоваться для оценки численности и потоков миграции. В последние годы данные мобильных телефонов (детальные записи звонков) открывают новые возможности для измерения миграции в различных пространственных и временных масштабах [7].

Межстрановые сравнения внутренней миграции показывают, что в среднем более высокая интенсивность миграции наблюдается в развитых странах (Северная Америка, Западная Европа и Океания), чем в развивающихся странах. В развивающемся мире, наименьшая интенсивность миграции имеет Азия, а Латинская Америка и Африка находятся на промежуточном уровне. Однако интенсивность миграции очень неоднородна внутри регионов: высокая интенсивность миграции наблюдается в Северной Африке (Марокко), некоторых частях Западной и Восточной Африки (Сенегал, Камерун, Гвинея, Танзания, Кения) и Южной Африке (Южная Африка и Замбия), низкая интенсивность миграции в других частях континента [3].

Тем не менее данная тенденция не демонстрирует явной связи с уровнем развития стран и регионов [5]. Регулирование внутренней миграции становится важным средством поддержания стабильности и предотвращения социальных и экономических дисбалансов. Эффективное управление миграционными потоками может способствовать снижению напряженности в регионах и укреплению общей безопасности. В данной работе анализируются мировые практики регулирования внутренней миграции и эффективность используемых инструментов для поддержания социальной стабильности, укрепления экономики и содействия интеграции мигрантов.

■ Литературный обзор

Литература в области миграции подчёркивает, что решение о миграции является сложным и многогранным социальным процессом, а также обусловлено сочетанием множества факторов.

1. Более высокие доходы в городах

Согласно модели Харриса-Тодаро (the Harris-Todaro model) внутренняя миграция является главным образом реакцией на различия в возможностях рынка труда в разных регионах, где более высокие доходы в городских районах действуют как фактор притяжения для сельских жителей [8]. Этот подход поднимает ряд эконометрических проблем, в том числе как оценить контрфактические доходы мигрантов (т.е. доходов мигрантов, если бы они остались) и немигрантов (т.е. доходов немигрантов, если бы они переехали)

с поправкой на избирательность мигрантов. Другая проблема заключается в том, какую меру дохода следует учитывать при эмпирическом моделировании миграции как реакцию на разницу в доходах.

В ряде недавно опубликованных исследований миграция рассматривается как уравновешивающая сила и оценивается, как внутренние миграционные потоки реагируют на различия на местном рынке труда. Имберт и Папп [9], например, показывают, что крупная программа оплаты труда, которая нанимала взрослых сельских жителей в межсезонье в сельском хозяйстве в Индии, оказала значительное влияние на сдерживание сезонной миграции в города. Детанг-Дессендр, Партридж и Пиге [10] выяснили, что 70–85% адаптации к изменениям в местных условиях занятости во Франции происходит за счет внешних реакций в виде миграции и поездок на работу. Аналогичным образом, Кадена и Ковак [11] обнаруживают, что шоки местного спроса на рабочую силу во время Великой рецессии в США привели к реакции внутренней миграции.

2. Благоприятные условия жизни

Помимо возможностей получения более высокого дохода, доступ к городским удобствам также является ключевым фактором, мотивирующим сельскую миграцию в города. Фактически, из-за компенсирующих различий, связывающих заработную плату с удобствами и стоимостью жизни, исследования миграционных решений указывают на необходимость учитывать удобства и стоимость жизни в городских местностях. К примеру, Шилпи, Санграула и Ли [12] подтверждают, что внутренние мигранты в Непале придают большое значение инфраструктуре и услугам, а именно доступу к электричеству и близости к дорогам с твердым покрытием. Здесь важно отметить, что городские удобства, которые могут привлечь мигрантов, выходят за рамки инфраструктуры и включают также социальные и образовательные возможности. В этом отношении Фу и Габриэль [13], изучавшие внутренние миграционные потоки через китайские провинции в 1990-е годы, обнаружили, что мигранты с высокой квалификацией ценили концентрацию человеческого капитала в районах назначения, когда как мигранты с низкой квалификацией - нет. Столь разнородные предпочтения ученые объясняют более высокими барьерами, с которыми сталкиваются низкоквалифицированные мигранты при инвестировании собственного капитала.

3. Изменения климата

Климатические потрясения могут негативно повлиять на урожайность сельскохозяйственных культур и снизить доходы от сельского хозяйства, что приводит к оттоку населения из сельских местностей в городские. Барриос, Бертинелли и Штробл [14] показывают, что сокращение количества осадков ускорило урбанизацию в странах Африки к югу от Сахары. Аналогично, Грейс и др. [15] обнаруживают, что уменьшение количества осадков приводит к оттоку населения, что, по их мнению, связано с сокращением доступных ресурсов. Хендерсон, Сторигард и Дайхман [16] находят убедительные доказательства того, что неблагоприятные изменения климата вытесняют людей из сельской местности в соседние городские местности.

4. Конфликтные ситуации

Как и в случае с изменением климата, разного рода конфликты ведут как к международной, так и к внутренней миграции. Насилие потенциально может ускорить миграцию из сельских районов в города в тех случаях, когда города безопаснее, чем сельские регионы. Так, конфликты по всему миру привели к значительному увеличению числа внутренне перемещенных лиц: на конец 2019 года их число составило 50,8 миллиона, в том числе 45,7 миллиона из-за конфликтов и 5,1 миллиона из-за стихийных бедствий, что является самым высоким показателем за всю историю (Центр мониторинга внутреннего перемещения и Норвежский совет по делам беженцев). Изучая реакцию миграции на насилие и конфликты в Колумбии, Энгель и Ибаньес [17] обнаружили, что устойчивый

рост различных конфликтов с применением насилия ускорил масштабы урбанизации в регионе.

5. Страхование от рисков

Исследования выявили роль отсутствия или неполноты рынков страхования и кредита (т.е. несовершенства рынков капитала), а также отсутствия возможностей диверсификации доходов в сельских районах как причин миграции из села в город [18]. В этом контексте миграция играет роль механизма «самострахования», позволяющего диверсифицировать доходы в условиях неопределенности поскольку мигранты могут генерировать доход для себя или других лиц, оставшихся в сельской местности, которым они отправляют денежные переводы. При этом решение о миграции часто может включать семейные договоренности о совместном страховании между людьми, которые сталкиваются с рисками в разное время [18]. Мунши и Розенцвейг [19] приходят к выводу, что выбор миграции на самом деле может быть ограничен потерей домохозяйством неформального страхования, если члены домохозяйства будут решать мигрировать.

■ Материалы и методы

Для данной работы использовались количественные и качественные методы исследования. Также применялись инструменты сравнительного анализа и анализа документов. Основной целью было изучение международного опыта и анализ экономических механизмов, используемых различными странами в управлении внутренней миграцией. Для этого были выбраны ряд стран, включая Канаду, Австралию, Норвегию и Швецию. Этот выбор основан на значимых миграционных процессах и международной экономической активности данных стран. Их изучение обусловлено эффективными стратегиями управления внутренней миграцией и широким спектром экономических программ, оказывающих влияние на данные процессы. Анализ проводился с использованием разнообразных показателей, включая статистические данные о внутренней миграции, такие как уровень миграционной активности и направления потоков мигрантов. Кроме того, рассматривались экономические показатели, влияющие на миграцию, такие как налоговые стимулы, финансовая поддержка для различных регионов и другие экономические механизмы. Выбор этих показателей обусловлен их существенным влиянием на динамику внутренней миграции и их потенциалом для успешного применения в контексте изучаемых стран.

■ Результаты

Австралия

Страна входит в число самых мобильных обществ в мире: 15% населения переезжали внутри страны согласно последней переписи. Миграционные потери наблюдаются в центральной и северной Австралии. Эта тенденция сигнализирует об окончании горнодобывающего бума, где наиболее пострадавшими регионами оказались Центральный Квинсленд и Южная Западная Австралия. Другие части Австралии получили чистый прирост на 4,5%, включая Риверину Нового Южного Уэльса, а также ряд прибрежных регионов. Таким образом, в стране произошел тренд в региональном расселении от небольших городов, сосредоточенных на сельском хозяйстве и добывающей промышленности, к более крупным региональным центрам, чему способствовало улучшение транспорта и инфраструктуры [20]. Также растет миграция из крупных столиц в местные региональные районы, что в некоторой степени является реакцией на предполагаемую отрицательную экономию от масштаба урбанизации [21].

Для регулирования внутренней миграции федеральные правительства предлагают экономические стимулы и поддержку бизнесу и промышленности, включая расходы на региональную инфраструктуру и удобства, чтобы способствовать росту населения региона. Вмешательство правительства в поддержку регионального роста также наблюдает-

ся в иммиграционной политике, в том числе на основе постоянного мониторинга миграционных потоков, направленного на усиление расселения иммигрантов в регионах [22].

Канада

Экономическое положение каждой провинции является важным индикатором внутренней миграции Канады. Межпровинциальная миграция также положительно связана с получением страховки по безработице и социальной помощи. При этом вероятность переезда канадца из одной провинции в другую обратно пропорциональна численности населения родной провинции: чем больше провинция, тем меньше вероятность переезда её жителей. Межпровинциальная миграция также более распространена среди жителей небольших городов и поселков, чем среди жителей крупных городских местностей [23].

За последние 35 лет в среднем ежегодно между провинциями перемещались около 294 тысяч канадцев. Федеральное и провинциальное правительства Канады реализуют ряд программ, позволяющих полностью использовать вклад переселенцев в местную экономику. При этом Канада продвигает множество политик на национальном уровне, направленных на содействие свободному передвижению людей и торговле товарами и услугами внутри страны. Канадское соглашение о свободной торговле (СФТА) 2017** стало одной из попыток устранить существующие межпровинциальные барьеры. Целью было свободное перемещение людей, товаров, услуг и инвестиций внутри Канады. СФТА подтверждает положения и обязательства по мобильности рабочей силы, установленные Соглашением о внутренней торговле (АИТ) 1995 года [24].

Тем не менее, крупнейшие три города Канады - Торонто, Монреал и Ванкувер - стали магнитами для людей со всей страны и со всего мира. Доля населения страны, проживающей в этих трех мегаполисах выросла с 28,9% в 1981 году до 33,6% в 2001 году и до 35,5% в 2021 году. Подобный демографический тренд отражает темпы развития экономики этих городов. Большинство из быстрорастущих отраслей — финансы, технологии, коммуникации, исследования и высшее образование — также расположены в этих крупных городах [25; 26].

Швеция

Внутренняя миграция в Швеции увеличилась со 135 до 152 переездов на 1 000 человек в период с 2002 по 2021 год. Согласно Статистическому управлению Швеции отток населения из мегаполисов является устойчивой тенденцией, которая усилилась в первый год пандемии Covid19 [27].

Более 50% населения сосредоточено в трех основных регионах, окружающих Стокгольм, Гетеборг и Мальмё. В эти регионы также входят четыре крупнейших города: Стокгольм, Гетеборг, Мальмё/Лунд и Уппсала. Эти города являются основными узлами как внутренней, так и международной иммиграции, причем основной приток составляют молодые люди.

Швеция борется с депопуляцией в сельских регионах, что в долгосрочной перспективе может вызвать проблемы с поддержанием служб и основных институтов в муниципалитетах. Они разработали инструменты и политику для продвижения муниципального выравнивания налогов, поддержки региональной политики и местных коммерческих услуг [28]. Сегодняшняя цель шведского правительства состоит в том, чтобы предоставить всем своим жителям одинаковые социальные услуги по всей стране, независимо от того, в каком муниципалитете они проживают. Правительство Швеции ввело так называемую «систему уравнивания муниципалитетов» для создания равных экономических условий для всех муниципалитетов и предоставления их жителям равных услуг независимо их доходов и других структурных условий. Основная идея заключается в том, что различия в местных налогах в значительной степени должны отражать различия в эффективности услуг и не должны зависеть от различий в структурных условиях муниципалитета. Таким образом, если у муниципалитета высокие расходы, он получает больше денег, и

наоборот. Таким образом, шведское правительство выразило свою поддержку развитию и сохранению функционирующего сельского ландшафта. Через правительственные ведомства Швеции осуществляется ряд политических мер, часто инициируемых ЕС [29].

Норвегия

За последние два десятилетия Норвегия превратилась из относительно однородной страны в более мультикультурную нацию, с большим числом международных мигрантов во всех частях страны. Согласно данным регистра Статистического управления Норвегии, доля международных мигрантов увеличилась с 5,3% в 2000 году до 14,4% в 2019 году [30]. Помимо прибытия беженцев, именно расширение Европейского Союза (ЕС) на восток, начиная с 2004 года, вызвал беспрецедентный рост миграции в Норвегию. Эти «новые» трудовые мигранты, происходящие в большей степени из Восточной Европы, поселились за пределами городских регионов Норвегии [31]. Поэтому многие сельские регионы, ранее незнакомые с международной миграцией, испытали большой приток трудовых мигрантов. Наибольший рост внутренней миграции наблюдается между муниципалитетами, особенно среди женщин.

Между тем, правительство страны проводит политику, направленную на сокращение оттока мигрантов из регионов, что способствует ограничению внутренней мобильности. Во многих частях страны наблюдается отрицательный прирост населения как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе из-за высокого уровня эмиграции и низкого числа рождений. Это затрудняет поддержание государственных услуг и повышает беспокойство по поводу сохранения некоторых населенных пунктов в долгосрочной перспективе. Некоторые муниципалитеты проводят кампании, чтобы побудить молодых людей вернуться обратно домой после окончания ими обучения в других городах. Однако эффект от таких усилий часто считается ограниченным [32].

■ Обсуждение и заключение

Внутренняя миграция стала важным аспектом современного мира, воздействуя на социальную и экономическую динамику многих стран. Изучение мировых практик и экономических инструментов регулирования этого явления имеет критическое значение для обеспечения устойчивости и развития в контексте геополитических вызовов и демографических изменений. Одним из наиболее распространенных инструментов являются финансовые стимулы. Многие страны предоставляют субсидии или финансовую поддержку для регионов, привлекающих мигрантов. Это может включать в себя выделение бюджетных средств на социальное обеспечение и меры поддержки мигрантов, такие как жилищные программы и медицинские услуги. Подобные стимулы способствуют привлечению мигрантов и укреплению экономической активности в регионах, нуждающихся в дополнительных рабочих ресурсах [1]. Другим важным инструментом являются налоговые льготы и преференции. Многие страны предоставляют налоговые льготы для компаний, открывающих предприятия в регионах с низкой занятостью и высокой потребностью в рабочей силе. Это может включать в себя снижение налоговых ставок для мигрантов и работодателей, привлекающих их. Такие меры создают экономические стимулы для предпринимательства и инвестиций в регионах, поддерживая занятость и экономический рост [3].

Социальные программы и интеграция также играют важную роль. Это способствует созданию условий для культурного разнообразия и взаимодействия между мигрантами и местным населением. Примером успешной социальной интеграции может служить Канада, чья модель мультикультурализма предусматривает поддержание и развитие культурного разнообразия, а также создание необходимых условий. Модель социальной поддержки Швеции предоставляет широкий спектр программ и услуг для мигрантов, включая социальную защиту, образование, здравоохранение и др. [23].

Мониторинг и сбор данных о внутренней миграции являются неотъемлемой частью эффективного регулирования. Системы сбора и анализа данных позволяют лучше понимать динамику и тренды в области внутренней миграции. Эти данные необходимы для разработки политик и программ, а также оценки их эффективности. Австралия активно использует системы мониторинга и анализа миграционных потоков, что снижает недостаток квалифицированной рабочей силы и способствует более эффективной миграционной политике [22].

В таблице 1 представлены инструменты различных стран, которые были использованы и как они влияют на миграцию.

Таблица 1. Инструменты управления внутренней миграцией в различных странах

Страна	Инструменты	Влияние на миграцию
Канада	Социальные программы и интеграция	Поддержание культурного разнообразия, уменьшение конфликтов между населением
Австралия	Мониторинг и сбор данных	Выбор квалифицированных специалистов, устойчивость миграционной политики
Норвегия	Ограничение внутренней мобильности Стимулирование возвращения эмигрантов	Способствует сокращению оттока жителей и удержанию молодежи на местном рынке труда
Швеция	Разносторонняя социальная поддержка	Интеграция через обеспечение социальной защиты и интеграцию в общество

Источник: разработано авторами

Экономические инструменты играют ключевую роль в регулировании внутренней миграции, так как они могут влиять на решения мигрантов о перемещении, а также на процессы интеграции и влияния миграции на экономическое развитие. Можно выделить несколько способов, как экономические инструменты могут влиять на миграцию. Одним из ключевых экономических факторов является уровень заработной платы и доступность рабочих мест. Мигранты, ищущие лучшие возможности для заработка, могут быть мотивированы высокой заработной платой в других регионах. Социальное обеспечение и доступ к социальным услугам также играют существенную роль в регулировании миграции. Экономические инструменты, направленные на предоставление социальной поддержки мигрантам, могут способствовать их интеграции и снижению социальной уязвимости. Налоговые меры могут оказывать воздействие на миграцию и региональное развитие. Образовательные программы и профессиональная переподготовка мигрантов имеют также большое значение, так как помогают мигрантам находить работу и успешно интегрироваться в новом регионе [3].

Таким образом, эффективное использование экономических инструментов требует комплексного подхода и согласованности с другими аспектами миграционной политики.

СПИСОК ИПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Rajan, S. I., & Bhagat, R. B. 2022. Researching internal migration. Taylor & Francis. ISBN: 978-1-032-16133-4
2. IOM UN Migration (2021). World Migration Report 2024. <https://worldmigrationreport.iom.int/msite/wmr-2024-interactive/#:~:text=The%20current%20global>
3. Selod, H., & Shilpi, F. (2021). Rural-Urban Migration in Developing Countries Lessons from the Literature. World Bank Policy Research Working Paper 9662
4. Cattaneo, A., & Robinson, S. (2020). Multiple moves and return migration within developing countries: A comparative analysis. Population, Space and Place, 21 pages

5. Bell, M., Bernard, A., Charles-Edwards, E., & Zhu, Y. (2020). Internal migration in the countries of Asia: A Cross-national comparison. Springer.
6. Blumenstock, J. E., Chi, G., & Tan, X. (2019). Migration and the value of social networks. CEPR Discussion Paper 13611.
7. Lai, S., Erbach-Schoenberg, E.Z., Pezzulo, C., Ruktanonchai, N. W., Sorichetta, A., Steele, J., & Tatem, A. J. (2019). Exploring the use of mobile phone data for national migration statistics. *Palgrave communications*, 5(1), 1-10.
8. Harris, J. R., & Todaro, M. P. (1970). Migration, unemployment and development: a two-sector analysis. *The American Economic Review*, 60(1), 126-142
9. Imbert, C. & Papp, J. (2019). Costs and benefits of rural-urban migration: Evidence from India, *Journal of Development Economics*, Vol.146, ISSN 0304-3878, <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2020.102473>.
10. Détang-Dessendre, C., Partridge, M. D., & Pigué, V. (2016). Local labor market flexibility in a perceived low migration country: The case of French labor markets. *Regional Science and Urban Economics*, 58, 89-103.
11. Cadena, B. C., & Kovak, B. K. (2016). Immigrants equilibrate local labor markets: Evidence from the Great Recession. *American Economic Journal: Applied Economics*, 8(1), 257-90.
12. Shilpi, F., Xu, L., Behal, R., & Blankespoor, B. (2018) People on the Move: Spatial Mismatch and Migration in Post-Apartheid South Africa, World Bank.
13. Fu, Y., & Gabriel, S. A. (2012). Labor migration, human capital agglomeration and regional development in China. *Regional Science and Urban Economics*, 42(3), 473-484.
14. Barrios, S., Bertinelli, L., & Strobl, E. (2006). Climatic change and rural-urban migration: The case of sub-Saharan Africa. *Journal of Urban Economics*, 60(3), 357-371.
15. Grace, K., Hertrich, V., Singare, D., & Husak, G. (2018). Examining rural Sahelian out-migration in the context of climate change: An analysis of the linkages between rainfall and out-migration in two Malian villages from 1981 to 2009. *World Development*, 109, 187-196.
16. Henderson, J. V., Nigmatulina, D., & Kriticos, S. (2018). Measuring urban economic density. World Bank Policy Research Working Paper WPS8678. The World Bank.
17. Engel, S., & Ibáñez, A. M. (2007). Displacement due to violence in Colombia: A household-level analysis. *Economic Development and Cultural Change*, 55(2), 335-365.
18. Stark, O., & Lucas, R. E. B. (1988). Migration, remittances, and the family. *Economic Development and Cultural Change*, 36(3), 465-481.
19. Munshi, K., & Rosenzweig, M. (2016). Networks and misallocation: Insurance, migration, and the rural-urban wage gap. *American Economic Review*, 106(1), 46-98
20. Li et al. (2021) – On the origin and significance of composite particles in mudstones: Examples from the Cenomanian Dunvegan Formation, *Sedimentology*, 68, 737–754
21. Denham, T. (2021). The limits of telecommuting: Policy challenges of counter urbanization as a pandemic response. *Geographical research*. Volume59, Issue4, Pages 514-521
22. Charles-Edwards, E., Bernard, A., Rowe, F., & Abel, G. (2023). International Migration and Development: The Changing Impact of Migration on Redistributing Global Population. *International Migration Review*, 0(0). <https://doi.org/10.1177/01979183231175114>
23. Gomme, P., Mohammad Jamil, G., Koreshkova, T. & D. Lkhagvasuren (2021). An Analysis of the Ins and Outs of Migration within Canada. ISSN 1499-8629
24. Nusrate, A., Ahmed, A., Gerry, M. (2022). Migration and Canadian Interprovincial Trade, GLO Discussion Paper, No. 341 [rev.], Global Labor Organization (GLO), Essen
25. Moretti, E. (2013). Real Wage Inequality. *American Economic Journal: Applied Economics*, 5 (1): 65–103. DOI: 10.1257/app.5.1.65
26. McQuillan, K. (2024). Leaving the Big City: New Patterns of Migration in Canada. <https://www.policyschool.ca/wp-content/uploads/2024/04/UP48-PatternsMigrationCda.McQuillan.Apr24.r2.pdf>
27. Statistics Sweden (2022). Immigration was more affected than emigration. <https://www.scb.se/en/finding-statistics/statistics-by-subject-area/population/projections/demographic-analysis-demog/pong/statistical-news/migration-to-and-from>
28. Westholm, E., & Waldenström, C. (2008). Kunskap om landsbygden. Dags för en ny agenda! (No. 2008: 1). Institute for Futures Studies.
29. Regeringskansliet (2008). En strategi för att stärka utvecklingskraften i Sveriges Landsbygder. Regeringens skrivelse 2008/09: 167
30. Norway Statistics (2018). Increased migration within Norway. <https://www.ssb.no/en/befolkning/artikler-og-publikasjoner/increased-mobility>
31. Slettebak, M. (2020). Does international labour migration affect internal mobility in rural Norway? In book: *International Labour Migration to Europe's Rural Regions*. DOI: 10.4324/9781003022367-13
32. Leknes, S. og Løkken, S. A. (2020). Empirical Bayes estimation of local demographic rates.

КӨШІ-ҚОН ПРОЦЕСТЕРІН РЕТТЕУДІҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҚҰРАЛДАРЫ:
ӘЛЕМДІК ТӘЖІРИБЕНІ ТАЛДАУ**Ахметова Г.Б.**

Докторант
Қазақстан Республикасы Президентінің
жанындағы Мемлекеттік басқару
академиясы
Астана қ., Қазақстан
email: gulnaz.akhmetova@apa.kz

Боқаев Б.Н.

PhD
Сиракуз университеті
Максвелл азаматтық және мемлекеттік басқару мектебі, АҚШ
PhD кандидаты
email: bbokayev@syu.edu
<https://orcid.org/0000-0002-1037-7085>

Төребекова З.Т.

PhD, ғылыми хатшы
Зерттеулер, талдау және тиімділікті бағалау орталығы
Қазақстан Республикасы
Жоғарғы Есеп палатасы
Астана қ., Қазақстан
email: z.torebekova@stateaudit.kz
<https://orcid.org/0009-0008-9583-4177>

Аңдатпа. Қазіргі таңда ішкі көші-қон мәселесі әлем елдерінің әлеуметтік және экономикалық динамикасына әсер ететін маңызды факторға айналууда. Бұл мақала ішкі көші-қонның ағымдағы тенденцияларын қарастырады, оның аймақтық және халықаралық деңгейдегі себептері мен салдарын анықтайды. Салыстырмалы талдау негізінде ішкі көші-қонды басқарудың қаржылық ынталандыру, салық жеңілдіктері, әлеуметтік бағдарламалар мен саналуан қолдау шаралары сияқты құралдары талқыланады. Нәтижесінде экономикалық қиындықтар, қақтығыстар мен климаттың өзгеруі жаңа ішкі көші-қон ағындарының қалыптасуында маңызды рөл атқаратыны және бұл ел үкіметтерінің жіті назарын талап ететіні анықталды. Сондай-ақ, жаһандану жағдайында көші-қон ағындарын басқаруда және аймақтардағы шиеленістерді төмендету тәсілдерін әзірлеуде аймақтық өзара іс-қимылдың маңыздылығы көрсетілді.

Түйін сөздер: көші-қон, реттеу, озық тәжірибе, экономикалық құралдар, әлеуметтік ынталандыру.

**SOCIO-ECONOMIC INSTRUMENTS FOR REGULATING MIGRATION PROCESSES:
ANALYSIS OF WORLD PRACTICES****Akhmetova G.B.***

Doctoral student
Academy of Public Administration under the President
of the Republic of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan
email: gulnaz.akhmetova@apa.kz

Bokayev B.N.

PhD
Syracuse University
Maxwell School of Citizenship
and Public Affairs, USA
PhD Candidate
email: bbokayev@syr.edu
<https://orcid.org/0000-0002-1037-7085>

Torebekova Z.T.

PhD, scientific secretary
Center for Research, Analysis and Evaluation
of Effectiveness of the Supreme Audit Chamber
of the Republic of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan
email: z.torebekova@stateaudit.kz
<https://orcid.org/0009-0008-9583-4177>

Abstract. *In the modern world, internal migration is becoming an increasingly significant factor influencing the state's social and economic dynamics. This article examines current trends in internal migration, identifying its causes and consequences at the regional and international levels. Based on a comparative analysis, this article discusses various internal migration management tools such as financial incentives, tax breaks, social programs, and support measures.*

The study results reveal that economic difficulties, conflicts, and climate change play a critical role in new internal migration flows that require the serious attention of national governments. Also, it highlights the importance of regional cooperation in managing migration flows and developing ways to reduce regional tensions in the context of globalization.

Keywords: *migration, regulation, best practices, economic instruments, social incentives.*